Автор: Мысли вслух
10.11.2020 17:27

"...Вещество инореальности просачивается и занимает собой некий объём в «матрице» предметов и пустот, точнее — наших о них представлений...".

Мета – физики и лирики

Слово «метафизика» пришло в разговор о поэзии, именно о русской поэзии, совсем недавно. Бродского назвали поэтом-метафизиком уже вслед. О «метафизическом сквозняке» в текстах Бориса Рыжего, Дениса Новикова тоже всерьез заговорили уже без самих поэтов.

Но как философское направление, как особый ракурс взгляда на жизнь, понятие «метафизика» существует очень давно.

Корни его уходят в глубь времён, к Платону и Аристотелю, и к базовой потребности человека свести воедино материальное и идеальное, установить и упрочить между ними связь, постичь единство мироздания.

Мифологическое сознание — первый «виток» в эволюции этого постижения. По крайней мере первое, что мы можем осмыслить и приложить к себе, во что нам доступно заглянуть; слоем глубже только сознание первобытное, совсем уж непредставимое для современного человека.

Мифологическое же сознание кажется нам «понятным». (Что само по себе знаменательно и более чем интересно: получается, носитель первобытного сознания совершил квантовый скачок в «человека современного» сразу же, как обзавёлся мифом. Ну, почти современного, близкого к современному — в том смысле, что психологически сопоставимого с нами.)

«Миф — не идеальное понятие... Для мифического субъекта это и есть подлинная жизнь, со всеми ее надеждами и страхами, ожиданиями и отчаянием, со всей ее реальной повседневностью и чисто личной заинтересованностью». А.Ф.Лосев, « Диалек тика мифа
».

«Это и есть сама жизнь» — но с той оговоркой, что субъект всегда разделяет в своём сознании «небесное» и «земное», «божественное» и «человеческое», «духовное» и «плотское». В его картине мира присутствует разделяющая черта. Непереходимая со стороны человека, и условно переходимая со стороны «инореальных сущностей»: они подают ему знаки, благоволят или карают, являются ему в виде разных животных, растений, наваждений, снов.

Миры взаимопроницаемы, смежены, как синее и желтое стёклышки, дающие вместе зелёный цвет, и Человек находится в этой «зелёной зоне», он — центр мирозданья и мера всех вещей... Но и — парадоксальным образом — непереходимая черта тоже находится где-то там, вместе с ним. Может, у его ног, может, в его мозгу, может, он сам та черта и есть, проведённая в миг рождения.

Суть в том, что человек, носитель мифологического сознания, об этой черте — знает и принимает ее как должное. Как естественный и непреложный закон природы.

Древний грек, гуляя в апельсиновой роще, на появление какой-нибудь дриады или сатира отреагировал бы точно так же, как мы с вами — был бы шокирован, потрясён, — и это (в свете всего сказанного о непереходимой черте) никоим образом не противоречит лосевской формуле, согласно которой миф для него «сама жизнь».

Жизнь-то жизнь, но явление мифа во плоти нарушает законы этой жизни, колеблет ее основы.

Переход к метафизическому типу сознания — это, по всей видимости, следующий квантовый скачок в эволюции психологии человечества.

Непереходимая черта между сю- и ту-сторонним размывается, начинает мерцать (а в поэзии исчезает и вовсе).

Вещество инореальности просачивается и занимает собой некий объём в «матрице» предметов и пустот, точнее — наших о них представлений.

«Божественное» и «земное», «реальное» — и всё остальное, теперь не просто сосуществуют в одном пространстве, они теперь существуют друг в друге, взаимопронизаны и взаимопропитаны. Они сомкнулись, как бы «связались хромосомами», завившись в новый завиток спирали — Вселенную метафизики.

Поэт-метафизик занят обживанием этой новой Вселенной, постижением ее законов и тайн путём чувственного, «эмпирического» опыта. Закавычиваю, поскольку познать эмпирически – потустороннее, звучит пока странно, этаким бахвальством, ничем не обеспеченным красивым словцом. Но именно этим занимается поэт-метафизик: познает непознаваемое на маленьком пятачке личного опыта и личной оптики. Изменяет гравитацию слов.

Вернусь на шаг назад, чтобы кое-что прояснить.

Мифологическое сознание мы привычно ассоциируем с ранней античностью, с олимпийским пантеоном у древних эллинов, с языческими верованиями славян (если обратиться к нашему, родному материалу), с древними религиями и культами в целом.

В «новое время», подразумевается, этот тип сознания сменился на какой-то иной. На постмифологическое рациональное мышление (по К. Ясперсу).

Но существует мнение, что «миф преодолённый» — не более чем иллюзия, самообман. Что мифологическое время никогда не заканчивалось.

«В чем реально проявляется постмифологическое сознание, если мы на каждом шагу видим проявления мифотворчества в самых разных областях знания? — спрашивает в своём блоге
Андрей Ставицкий, историк, философ, художник, специалист по современной мифологии.

— А если так, не является ли идея постмифологического времени плодом фантазии, а по существу научным мифом?».

И ещё, в другом месте, он пишет:

«...Однако если мифологическое сознание изначально свойственно человеку и вытекает из его психофизических качеств, включая устройство головного мозга, то о каком постмифологическом времени можно говорить? Почему такая идея вообще посетила чьи-то головы?»

А я — мне кажется — догадываюсь, почему. Мифологическое сознание действительно соприродно «устройству мозга» человека, но верно и то, что человек из него вырос (вместе с мозгом, заметно увеличившимся за последние пару сотен тысячелетий, как

уверяют ученые).

Конфликт? Конфликт.

Может быть, запрос на разрешение конфликта, установка на поиск другой формы мышления, но без отказа от базовой, «вшитой в подкорку», аутентичной, — может быть, это и стало тем, что привело к качественной метаморфозе сознания? (То есть ещё не привело, но в процессе.)

*

Нашла в «Арионе» (4, 2017) статью Сергея Баталова , где автор замечательно формулирует, что же такое современные русские метафизики.

«В последние годы на страницах литературных журналов стали появляться стихи, словно бы родственные друг другу. Это небольшие — в четыре-пять строф — стихотворения, исполненные в традиционной силлаботонической форме, с предельно прозрачным смыслом, с обилием подчеркнуто бытовых реалий и некоторой недоговоренностью в завершении.

Как ни странно, это и есть стихи поэтов, которых, понимая всю условность такого термина, можно, как мне кажется, назвать «современными русскими метафизиками». Говорю так с изрядной долей уверенности, поскольку этим поэтам удалось выполнить главную задачу «метафизической школы» — восстановить утраченное единство мироздания, в данном случае, его земного и потустороннего измерений, причем сделать это методом метафизической поэзии — причудливым сопоставлением далеко отстоящих друг от друга явлений (так называемое кончетти).

Ключик нашелся там, где не искали, — в самой обыденной, повседневной жизни, в быте, в казалось бы до боли изученном окружающем пространстве. И оказалось, что эта обыденная, давно наскучившая нам реальность способна рассказать о невидимой стороне мироздания не меньше, чем самые громкие слова «высокого штиля».

И дальше он говорит о текстах этих поэтов, к которым причисляет Нату Сучкову , Романа Рубанова
,
Алексея Дьячкова
.

А я бы еще продлила этот ряд именами Константина Комарова , Ольги Аникиной , Ганны Шевченко
,
Андрея Пермякова
,
Романа Ненашева
; несколько наособицу, но тоже вполне монтируются сюда —

Алексей Григорьев
,
Татьяна Половинкина
,
Алекс Амур
(которого вы наверняка не знаете, но это легко исправить), недавно ушедшие из жизни
Александр Петрушкин
и
Влад Пеньков
.

ИМХО-КЛУБ